

Глава 13.

Космическое значение идеала Будды

Что такое Дхарма? Это вопрос, который мы исследуем то с одного угла, то с другого. Тем же самым вопросом, несомненно, задавались ученики Будды с тех самых пор, как он сам был еще жив. Мы знаем, что Будда жил и учил около сорока пяти лет, прежде чем совершить окончательный уход из этого мира, который традиционно известен как *паринирвана*, достижение высшей нирваны, абсолютного, бесконечного, полного и светоносного покоя за пределами обусловленного. И после *паринирваны* Будды среди его учеников возникли две группы или, если угодно, две стороны.

Одну сторону в целом вполне устраивало устное учение Будды. Они были глубоко заинтересованы в различных доктринальных изложениях учения: Четырех благородных истинах, Восьмеричном пути, семи этапах очищения, пяти скандхах, двенадцати ниданах и так далее. На самом деле, они настолько сосредоточились на устном учении, что стали относиться к нему как к самому буддизму, всему буддизму. Для них это *было* Дхармой.

Но другая сторона не была удовлетворена этим. Да, они приняли устное учение Будды и доктринальные формулировки, но они чувствовали, что это еще не все. Выше этого, за пределами этого устного учения, – или, если хотите, за ним – находилась реальная жизнь и личность (если использовать это избитое слово) Будды, которые также надо было принимать в рассмотрение. Каким был Будда как человек, Просветленный человек, Просветленное существо, и то, что он совершал, было, по крайней мере, не менее важно, чем то, что он говорил. Словесное, доктринальное учение являлось выражением мудрости Будды, а его жизнь, его личность, его деятельность являлись выражением его сострадания.

В подтверждение эта группа буддистов сумела привести много примеров щедрости и доброты Будды ко всем, с кем ему доводилось встречаться. Время, когда Будда был жив, было все еще живо в памяти людей, и буддийское сообщество очень заботливо сохранило все многочисленные учения, а также анекдоты и истории из жизни Будды, запоминая их и передавая из уст в уста, потому что первое из них будет записано лишь спустя несколько столетий. Но, возможно, самое красноречивое свидетельство о том, каким в действительности был Будда, можно обнаружить в записях об его отношениях с человеком, с именем которого, так уж вышло, больше всего связана устная традиция – Анандой.

Ананда был одним из двоюродных братьев Будды и его спутником последние двадцать лет его жизни. Как считается, он совершенно точно вспомнил – когда дело дошло до записи или, скорее, до заучивания – многие учения Будды для будущих поколений. Ананда был главным источником информации. В конце концов, он все время находился рядом с Буддой, он слышал все, что он сказал, и запомнил это слово в слово. Если ему случалось пропустить учение, Будда повторял его ему позже. Поэтому Ананда, был ближе, чем кто-либо, связан с доктринальными учениями Будды.

Но что касается самого Ананды, было нечто, что было еще более важно для него, чем учения. Когда Будда был при смерти, Ананду нашли плачущим и повторяющим снова и снова: «Учитель скоро покинет меня, – тот, кто так добр»¹³⁹. Эти слова Ананды, произнесенные им, когда он стоял у дверей хижины, в которой лежал больной Будда, очень важны. Ананда был с Буддой двадцать лет. Он слышал, как Будда произносил сотни проповедей, глубокомысленных, философских, глубоко мистических проповедей. Должно быть, он восхищался его блестящим умом, его учтивостью, легкостью, с которой он

справлялся с трудными вопросами. Вне всякого сомнения, он также был свидетелем всяких странностей Будды, всех необычных и сверхъестественных вещей, происходящих с Буддой.

Но какое самое сильное впечатление от характера Будды осталось у Ананды после всех этих лет, всех этих учений? Оно выражено в тех немногих словах, которые произнес плачущий Ананда: «Тот, кто так добр». Это очень важно. Ананда оплакивал не «того, кто так мудр» или «того, кто Просветлен», «того, кто обладал глубоким философским пониманием» или «того, кто прекрасно отстаивал свое мнение в диспутах», «того, кто так храбр» или «того, кто не знает усталости»: для него Будда – «тот, кто так добр».

Следовательно, стоит принимать в расчет сострадательное сердце Будды, а не только его мудрый ум – именно это и доказывала вторая часть его последователей. Буддизм содержит не только мудрость, но также и сострадание, говорили они, и оба эти аспекта объединяются в духовном идеале. Да, буддисты должны стремиться к обретению Просветления – это выражает аспект мудрости Дхармы. Но они должны стремиться обрести Просветление на благо всех живых существ. Именно это выражает сострадательный аспект Дхармы.

Исходя из этого интуитивного понимания, на основе этой группы ранних буддистов со временем развилось то, что стало известно как школа буддизма Махаяны. Именно махаянисты пришли к образу, с которым мы уже встречались: птице Просветления, парящей на двух крыльях – сострадания и мудрости. И среди многих учений Махаяны возвышается, подобно горной вершине среди предгорий, ее центральная концепция – идеал бодхисаттвы. Именно в бодхисаттве совершенным образом сочетаются мудрость и сострадание.

Бодхисаттва и воля к просветлению

Но кто такой бодхисаттва? Бодхисаттва – это существо (*саттва*), которое живет во имя Просветления (*бодхи*). Следовательно, идеал бодхисаттвы – это не что иное, как утверждение идеала самого буддизма, идеала достижения Просветления, идеала эволюции человечества от непросветленного состояния к Просветленному. Но он заключается не только в этом. Далее бодхисаттва определяется, как тот, кто стремится достичь Просветления не только ради своего собственного освобождения от страданий и неведения, но для того, чтобы все живые существа также смогли достичь Просветления. Так в Махаяне излагался сострадательный аспект, альтруистическое измерение желания обрести Просветление¹⁴⁰.

Поэтому следующий вопрос таков: как человек становится бодхисаттвой? Как человек действительно вступает на путь реализации этого идеала? Обычно Махаяна отвечает на этот вопрос так: человек становится Бодхисаттвой с возникновением того, что называют *бодхичиттой*. Некоторые ученые переводят слово «бодхичитта» как «мысль о Просветлении», но этим она точно не является. Это не мысль о Просветлении, а желание достичь Просветления, побуждение всего существа. На самом деле, если зайти еще дальше, великие учителя Махаяны говорят, что бодхичитта вообще не является обусловленным состоянием или функцией ума. В традиционных терминах она не включается в пять совокупностей (*скандх*), которые составляют все обусловленное существование. Бодхичитта – это нечто трансцендентное, нечто запредельное, отражение Необусловленного среди обусловленного. Вероятно, лучше переводить ее как «волю к Просветлению».

Но мы не должны думать, что эта воля к Просветлению – это индивидуальная воля каждого человека. Бодхичитта не индивидуальна. Она возникает в разных бодхисаттвах, но нет такого же количества бодхичитт, как бодхисаттв. Есть только одна высочайшая,

запредельная бодхичитта, в которой участвуют отдельные люди, или которая проявляется через них в различной степени. Это своего рода космическая воля, всеобщая воля ко всеобщему освобождению. И те, кем она овладевает, те, в ком она возникает или проявляется, становятся или являются бодхисаттвами.

Это метафизический ответ на вопрос о том, как человек становится бодхисаттвой. Но если кто-то собирается всерьез соответствовать этому идеалу, если он хочет относиться к следованию по пути бодхисаттвы как к практическому плану, ему, естественно, понадобится некоторое представление о том, как следовать этому пути. Строго говоря, путь бодхисаттвы начинается с принятия обета. Бодхичитта универсальна, но бодхисаттва индивидуален, и, следовательно, бодхичитта выражается в его или ее жизни и работе индивидуально. Это индивидуальное выражение в бодхисаттве и через него космической, запредельной бодхичитты, известно как обет бодхисаттвы. Этот обет не просто выражается словами, не просто является утверждением о намерении, которое, как надеется человек, побудит его к действию. К тому времени, как вы его примете, все движущие силы вашего существа будут устремлены к этому намерению: он представляет собой переориентацию всего вашего существа.

Обет Бодхисаттвы

Об обете бодхисаттвы обычно говорится в единственном числе, но на самом деле их несколько. Есть целый ряд списков обетов, но наиболее известный из них – Четыре великих обета, которые и в наши дни повторяют, особенно в монастырях Махаяны, во всем буддийском мире: «Да освобожу я всех живых существ от трудностей, да искореню я все страсти, да овладею я всеми дхармами, да приведу я всех живущих к состоянию Будды».

Но это все еще не настолько близко к практике, что касается нас самих. Несомненно, для того, чтобы принять эти обеты в полной уверенности, что сможешь их осуществить, человек к тому времени уже должен пройти большой путь духовной практики. Ситуация в каком-то смысле сходна с соотношением между мирским Восьмеричным путем и запредельным Восьмеричным путем. Как только возникает Совершенное видение в полном смысле слова, человек может обрести совершенство на каждом из семи оставшихся этапов пути. Но можно работать над зарождением этого Совершенного видения, следуя пути на мирском уровне.

Шесть совершенств

Подобно этому, как только в бодхисаттве зародилась бодхичитта, он или она могут принять обет бодхисаттвы в полной уверенности, что этот обет будет исполнен. Затем, в качестве «аспекта установления» – так это называют – в зарождении бодхичитты, бодхисаттва практикует шесть *парамит*, шесть совершенств или запредельных добродетелей: даяние, честность или этику, терпение, усердие, медитацию и мудрость¹⁴¹. Но до того, как зарождается бодхичитта, когда человек еще только стремится к тому, чтобы стать бодхисаттвой, он может попытаться в меру своих сил развивать эти добродетели, так что практику этих шести совершенств можно на самом деле считать еще одной формулировкой пути к Просветлению.

Даяние

Первое из шести совершенств – *дана*, даяние или щедрость: по своей сути это позитивное, направленное вовне отношение, стремление отдавать и делиться. Можно

перечислить все разнообразные виды вещей, которые можно отдать, – в буддийской литературе существуют всевозможные списки и классификации – но потенциально человек может отдать все, чем владеет. В одном из традиционных перечней перечисляется шесть видов даяния, которые может практиковать будущий бодхисаттва.

Для начала, есть самый очевидный вид, очевидный, но очень важный: даяние материальных вещей, таких, как пища, одежда и так далее. Затем, существует менее очевидный дар – дар бесстрашия. Ему уделяется большое внимание в буддийских кругах. Бодхисаттва своим присутствием создает в других людях положительный настрой, ощущение бесстрашия, свободы от страха. Беспокойство, как мы уже отмечали, является одной из величайших проблем современности. Вы видите его отпечаток на лицах большинства людей, потому что образ жизни большинства людей способствует развитию беспокойства и страха. Этот страх часто подавляется; поскольку он подавляется, он становится бессознательным, а когда в человеке есть бессознательные страхи, он, скорее всего, будет проецировать их вовне, и они пропитают всю его жизнь, и он будет чувствовать, что опасности окружают его со всех сторон. Но если вы бодхисаттва, своим присутствием, своим примером вы противодействуете всему этому. С помощью своей положительной энергии вы создаете уверенность и свободу от беспокойства везде, куда бы ни отправились, а с помощью своей мудрости помогаете людям понять, что не стоит привязываться к обусловленным вещам или ограничивать себя ими. Вы даете им новую, более обширную перспективу, на самом деле, космическую перспективу, и, таким образом, освобождаете их от обусловленных вещей и создаете в них бесстрашный настрой.

В-третьих, бодхисаттва дарует образование и культуру. Им придается очень большое значение во всех буддийских странах, потому что все понимают, что без определенного уровня образования в подлинном смысле, не только изучения книг, но культуры в смысле утонченности духа, на самом деле невозможна никакая духовная жизнь. На практике это выражается в повсеместной поддержке искусства и науки.

В-четвертых, бодхисаттва должен быть готов, если это необходимо, пожертвовать своей жизнью и конечностями. Такая жертва редко требуется в наши дни: немногим людям приходится действительно жертвовать своей жизнью или даже членами ради того, во что они верят. Но в прошлом были времена, когда люди умирали за свои убеждения, и даже в наши дни в некоторых уголках земного шара, если у вас есть духовные принципы и вы отстаиваете их публично, вы рискуете жизнью. Не стоит забывать, насколько нам повезло в том, что мы можем открыто говорить о духовных принципах, в которые мы верим, и следовать им. В менее благоприятных обстоятельствах нам пришлось бы заплатить за свои верования или, по крайней мере, за их высказывание, собственной жизнью.

Далее, бодхисаттва также готовится к тому, чтобы отдавать свои заслуги. В буддийском понимании заслуги – это то, что вы накапливаете в результате благих действий и щедрости, но говорится, что бодхисаттва должен быть готов отдать все заслуги, которые он накопил. Если вы бодхисаттва, у вас не возникнет желания превозносить себя над другими людьми большим количеством заслуг или добродетелей, чем у них. Вот почему в завершение медитации или ритуала поклонения буддисты часто читают строфы «посвящения заслуг». В этих строфах обычно говорится нечто подобное: вы не хотите оставлять заслуги, накопленные от этой духовной практики, себе, вы хотите поделиться ими со всеми живыми существами.

Шестой дар – это дар Дхармы, Истины, Учения. Это величайший из всех даров. Вы можете дать людям пищу и одежду, но они могут и не привести их к более благородной

жизни. Вы можете подарить им бесстрашие, но и это немного им даст. Даже если вы дадите им образование, культуру и так далее, даже если вы поделитесь с ними своими заслугами, они, возможно, все еще не станут вести подлинно человеческую жизнь. Но как только вы преподнесите им дар Дхармы, как только вы открываете их духовные очи, как только они видят вещи в более универсальной перспективе, как только они начинают видеть модель в целом и соотносить свою жизнь с этой моделью, как только они поворачиваются в направлении Просветления, они действительно начинают жить, а не просто существовать. Поэтому дар Дхармы – лучший дар из всех.

По крайней мере, это лучший дар в каком-то смысле, согласно традиционной шестеричной классификации. Но есть иная форма даяния, которая еще выше или, по крайней мере, более всеобъемлюща, дар, который включает в себя все остальные. Это даяние себя. В «Песни о себе» Уолт Уитмен говорит: «Когда я отдаю, я отдаю себя». Легко отдать материальные вещи, но не отдать вместе с ними себя. Вы можете сделать других людей бесстрашными, вы можете освободить их от беспокойства, их все же не отдать им себя. Возможно даже подарить Дхарму и все же не отдать себя. Поэтому отдать себя – величайший из даров, высочайший дар, который содержит в себе все остальные. Если вы бодхисаттва, вы отдаете себя, вы изливаете свой свет на всех живых существ и ничего не оставляете себе. Это абсолютная форма даяния – и, несомненно, не из тех, что нужно предпринимать преждевременно, до того, как человек развил свои внутренние ресурсы и обрел способность к столь безмерному даянию. Но, конечно, каждый из нас может начать так или иначе практиковать щедрость: это самая основная из добродетелей. На самом деле, в буддийских странах часто говорят, что без духа даяния – который находит выражение в практике – не может быть духовной жизни.

Нравственность или шила

Второе совершенство, которое практикует бодхисаттва или тот, кто желает им стать, – это запредельная добродетель *шила*. Как мы уже видели, слово «шила» иногда переводят как «мораль», но, возможно, будет лучше избегать этого слова из-за ненужных коннотаций. Нравственность в понимании буддизма – «искусное действие», действие, выражающее искусные состояния ума, состояния, которые свободны от страстного желания, ненависти и неведения. Есть различные традиционные модели искусного поведения – например, пять, десять или шестьдесят четыре наставления, которым следуют Бодхисаттвы. Как мы видели, эти перечни наставлений – не просто списки правил, а принципы упражнений, которые нужно применять с разумностью и осознанностью ко всем разнообразным сферам человеческой жизни и деятельности. В таком контексте – помимо аспектов нравственного поведения, которые мы уже обсуждали – я хочу поговорить о трех основных сферах жизни: еде, работе и браке.

Во-первых, несколько слов о еде. Согласно сутрам Махаяны, если вы бодхисаттва, вы должны есть – поскольку даже Бодхисаттвы нуждаются в еде – только для поддержания здоровья и жизненной силы, а не для удовлетворения невротических желаний. Вы должны питаться, не причиняя вреда другим живым существам, что на практике означает вегетарианство, насколько это возможно.

Буддийская традиция часто переходит от обсуждения глубокомысленной философии к размышлению о гораздо более приземленных вещах, таких, как питание. Некоторые буддийские ученые посмеиваются над столь очевидными скачками от тончайшего к смехотворному и удивляются, что, например, в «Ланкаватара-сутре» среди глубоких метафизических и эпистемологических рассуждений вы внезапно обнаруживаете главу о

неискусности поедания мяса¹⁴². И, конечно, ученые говорят: «Должно быть, это более поздняя вставка. Будда просто не мог говорить о подобных вещах. Кто-то, должно быть, добавил это позже».

Но это не так. Подобное отношение просто выдает недостаток чувства пропорции. В конце концов, мы едим каждый день, и пища оказывает постоянное воздействие на наши тела и умы, поэтому она гораздо важнее, чем нам обычно кажется. Если зайти еще дальше, можно даже сказать, что нет прока в том, чтобы называть себя буддистом и продолжать, как и прежде, поглощать ростбиф и двойной овощной гарнир на ужин. Одна из вещей, которой, как мы видели не раз, нам стоит уделять должное внимание, – в том, что вступление на буддийский путь заключается не только в изучении философии. Нам нужно начать менять все без исключения аспекты собственной жизни. А питание, помимо прочего, одна из этих действительно основных вещей: вряд ли может быть что-то более основополагающее, чем пища. Поэтому, когда мы начинаем следовать духовному пути, в этой сфере, несомненно, нужны важные и коренные изменения.

Что касается работы, работаем ли мы только для того, чтобы заработать деньги, или по призванию, важно, чтобы работа соответствовала тому, что обычно называют «правильным добыванием средств к существованию»: то есть, она не должна причинять вреда другим или эксплуатировать их, не должна приводить к деградации, сужать ум или делать его механическим. Обычно людей шокировало, когда в ответ на вопрос о работе – а мне часто его задавали – я говорил: «Делайте настолько мало, насколько возможно». И я бы повторил это снова, если под работой понимать ту работу, которую мы выполняем просто ради заработка. Если работа человека – его призвание, тогда, конечно, нет нужды ограничивать себя – но в современных условиях такое встречается довольно редко. Вероятно, лучшее решение – частичная занятость, если это возможно. Тогда свободное время можно уделять творчеству, медитации, обучению, созданию и развитию дружеских отношений.

Но в последнее время я бы не стал обязательно настаивать на своем утверждении относительно того, что стоит работать как можно меньше. В последние годы ряд западных буддистов успешно экспериментируют над обустройством совместных предприятий «правильного образа жизни», создавая условия, в которых буддисты могут работать вместе, так что работа во многом становится частью духовной практики, а необходимость в трате времени на медитацию и изучение Дхармы принимается в расчет как нечто само собой разумеющееся. Если человек способен создать или найти такие условия, нет нужды ограничивать свою вовлеченность в рабочую деятельность. На самом деле, если уж зайти еще дальше, можно даже сказать, что в таких обстоятельствах стоит работать как можно *больше*.

Третья сфера практики нравственности, которую я хочу отметить, – это вопрос о браке, хотя брак – еще одно из тех слов, которых я предпочитаю избегать, потому что оно приводит к всевозможным заблуждениям и на самом деле несколько старомодно в наши дни. Буддийское представление о браке (если в буддизме вообще есть такое представление) совершенно отлично от западного христианского представления. Для начала, в буддизме брак не рассматривается как религиозное таинство или легальная процедура, осуществляемая в законном порядке. Он рассматривается просто как отношения между двумя людьми, отношения, которые известны их семьям, друзьям и социальному кругу и признаны ими – и которые могут закончиться, если необходимо, без споров и беспокойства, если только благополучие всех, вовлеченных в них – особенно детей – принимается в расчет. В буддийских странах никогда не было какой-либо жесткой или общепринятой модели брачных отношений: моногамия, полигамия и полиандрия, – все это было разрешено. И, как мы

видели, гомосексуальность и гетеросексуальность рассматриваются в таком же свете: единственный критерий – качество создаваемых человеческих отношений.

Терпение

Третье из совершенств, которые практикует Бодхисаттва – *кианти*. *Кианти* часто переводится как «терпение», но оно охватывает целый ряд добродетелей: не только терпение и выносливость, но также такие вещи, как мягкость, послушание, даже покорность, а также любовь, терпимость и восприимчивость. Или, если выразить это иначе, *кианти* заключается в отсутствии гнева и любых желаний возмездия или мести. Это *кианти*, и это одна из самых прекрасных буддийских добродетелей.

Энергия следования благу

В-четвертых, Бодхисаттва или тот, кто стремится им стать, практикует *вирью* или силу, что обычно определяется как «энергия следования благу» – «благое» здесь обозначает Просветление на благо всех живых существ. Конечно, мы уже сталкивались с *вирьей* в качестве одной из духовных способностей и одного из семи факторов Просветления – и на это есть веская причина, потому что без энергии невозможна духовная жизнь. Можно даже сказать, что основная проблема духовной жизни, следовательно, заключается в том, чтобы для нее найти энергию – особенно эмоциональную энергию. Это не из тех вещей, которые вы можете сделать, если на самом деле даже не пытаетесь или пребываете в полусне.

Но у многих людей энергии мало. Им, обессиленным и подавленным, вялым и пассивным, энергия, по-видимому, недоступна. Но почему? Куда подевалась энергия? Что с ней произошло? Что же, вполне вероятно – помимо возможности того, что человек страдает одной из болезней, подрывающих силы, которые становятся все более распространенными, – что человек не может получить доступ к собственной энергии либо потому, что она заблокирована, либо потому, что она потрачена впустую, либо потому, что она слишком груба. Поэтому мы, несомненно, должны научиться открывать доступ к заблокированной энергии, возвращать утраченную энергию и делать более тонкой – грубую. Есть различные способы это сделать: посредством осознанности, посредством участия в творческой работе, посредством общения и медитации, получения удовольствия от искусства, веры и преданности и так далее. Так можно освободить нашу энергию, разблокировать ее и открыть к ней доступ для духовной жизни.

Едва ли мне нужно говорить, что согласно традиции буддизма Махаяны бодхисаттва сам по себе является воплощением энергии. Если вы бодхисаттва, ваша эмоциональная энергия – и энергия в целом – всецело и полностью открыта вам для целей вашего духовного продвижения: энергия течет спокойным, непрерывным, гармоничным потоком (на самом деле, вы сами – этот поток энергии) в направлении Просветления. Этот свободный поток энергии означает, что бодхисаттва делает многое и многого достигает, но вопроса о спешке, переутомлении или напряжении не возникает.

Медитация

Пятое совершенство бодхисаттвы – это медитация. Как мы уже видели, есть три уровня медитации: сосредоточение и объединение энергий, восхождение к высшим состояниям сознания – мы можем назвать это «собственно медитацией» – и обращение ума к созерцанию реальности.

Мудрость

Шестое и последнее из совершенств Бодхисаттвы – это мудрость. Как мы уже знаем, с точки зрения буддизма мудрость обозначает интуицию, если хотите, запредельную интуицию, по отношению к Необусловленному. Это значит видеть реальность лицом к лицу – не думать о ней, не развивать представления о ней, но видеть ее прямо и переживать в собственном опыте. Есть много способов это описать, но один из самых популярных – и мы с ним пока не встречались – в рамках того, что называется пятью знаниями. Это пять основных аспектов или видов мудрости, подобные пяти граням драгоценности. В тибетской иконографии их символом является мандала Пяти Будд, где каждый Будда мандалы ассоциируется с определенной гранью знания или мудрости.

Прежде всего, есть так называемое знание Дхармадхату. Это основное знание, четыре остальных – только его частичные, ограниченные аспекты. Дхармадхату, как мы знаем, – это Вселенная как сфера проявления реальности, гравитационное поле реальности – целая Вселенная, пронизанная реальностью, как пространство пронизано солнечными лучами. Поэтому «знание Дхармадхату» – это знание всего космоса как пронизанного самой Необусловленной реальностью – и, на самом деле, по сути неотделимого от нее. В Махаяне это знание символизируется образом Вайрочаны, Освещающего, Будды белого цвета, центрального Будды мандалы.

Далее, у нас есть зеркалоподобное знание, называемое так, потому что Просветленный ум видит все. Он проникает сквозь все завесы. Он понимает истинную природу всего, видит его в его абсолютной глубине, абсолютной реальности. Его видение совершенно объективно и целостно. Так же, как зеркало отражает в неискаженном виде все, что помещается перед ним, и остается не тронутым, не запятнанным объектами, которые оно отражает, так и зеркалоподобная мудрость отражает все вещи, видит все вещи, знает все вещи, понимает все вещи, пронизывает все вещи и проникает в них, но сама остается не тронутой ими и не подвергается их воздействию – они не пристают к ней. Она совершенно свободна, совершенно независима: нет субъективных реакций, есть только полная, чистая, совершенная объективность. Зеркалоподобная мудрость просто отражает все существующее. Ее символ – Акшобхья, Невозмутимый, непоколебимый синий Будда восточного направления.

Третье из этих пяти знаний – знание беспристрастности или тождества. Поскольку Просветленный ум видит все с полной объективностью, не реагируя, видит во всем одну и ту же реальность, вследствие этого он относится ко всем одинаково уравновешенно, с равной любовью и состраданием. Подобно солнечным лучам, он светит беспристрастно, без какого бы то ни было различия или отличия. Символом этого знания, знания равностности, тождественности, единства, является Ратнасамбхава, Драгоценнорожденный Будда, желтый Будда южного направления.

Далее, существует всеразличающее знание. Зеркало одинаково отражает все, но оно не смешивает и не затуманивает отличительные особенности вещей. Оно отражает розу как розу, дерево как дерево, человека как человека, гору как гору. Они не смешиваются и не размываются в нем. Это очень важно. Это означает, что Просветленный ум видит вещи не только в их единстве, но и в их разнообразии, и видит их так одновременно. Он видит их единство, их общую сущность, но также видит их в их уникальной, неповторимой, невыразимой индивидуальности. По этой причине, выражаясь языком философии, буддизм не придерживается ни монизма, ни плюрализма, а сочетает и то, и другое и даже больше.

Единство не отменяет различий, а различия не затмевают единства. Все это существует совместно – единство в различии, различие в единстве. Это всеразличающее знание символизируется Амиتابхой, Буддой Бесконечного Света, красным Буддой западного направления.

Пятое знание – это всеисчерпывающее знание. Просветленный ум посвящает себя благу всех живых существ. Он помогает живым существам любым способом, каким только может. Он разрабатывает различные «искусные средства» – способы помощи, методы работы – но делает все это естественно и спонтанно. Ему не нужно что-либо придумывать. Он лишь функционирует просто, чисто, свободно, спонтанно, и все делается само собой. В каком-то смысле, он ничего не делает. В другом смысле, он делает все. Это всеисчерпывающее знание символизируется Амогхасиддхи, Буддой Непогрешимого Успеха, зеленым Буддой северного направления¹⁴³.

Уравновешивая совершенство

В данном контексте мудрость можно рассматривать как шестое из шести совершенств, практикуемых Бодхисаттвой. Так же, как можно считать, что пять духовных способностей состоят из двух пар с уравновешивающим пятым фактором, шесть совершенств можно мысленно разделить на три пары. Даяние и честность представляют собой альтруистический и индивидуалистический аспекты духовной жизни. Тогда вторая пара, терпение и энергия, представляют собой, выражаясь метафорически, «женский» и «мужской» подходы к духовной жизни. И, наконец, медитация и мудрость представляют собой внешнее и внутреннее измерения, так сказать, Просветленного ума. Бодхисаттва синтезирует и уравновешивает все эти пары противоположностей – индивидуалистическое и альтруистическое, «женское» и «мужское», внешнее и внутреннее – в своем собственном Просветленном или почти Просветленном уме. В духовной жизни бодхисаттвы нет места односторонности.

Продвижение Бодхисаттвы – выход за пределы времени и пространства

В ходе своего духовного пути бодхисаттва проходит десять ступеней духовного прогресса. На первой ступени зарождается бодхичитта, воля к Просветлению, и проявляется в вас или через вас. На восьмой ступени вы становитесь «необратимым»: это означает, что вы больше не можете пасть на пути достижения Высшего Освобождения на благо всех, больше не существует опасности того, что вы когда-либо вернетесь к сравнительно более низкому идеалу Просветления для одного себя. А на десятой и последней ступени вы достигаете самого Высшего Просветления на благо всех живых существ.

Все это – практика шести совершенств, зарождение бодхичитты, прохождение всех десяти ступеней духовного продвижения – занимает чрезвычайно долгий период времени. На самом деле, согласно традиции, это занимает абсолютно невообразимый и внушающий благоговейный ужас промежуток времени. Говорится, что на это требуется не менее трех кальп или трех эонов, и, хотя точных цифр не приводится, кальпа – на самом деле долгий период времени, период в миллионы лет. На протяжении этого периода бодхисаттва, проходя этапы духовного продвижения, также проживает многочисленные жизни в самых разнообразных уделах, разнообразных мирах и планах существования. Но все это время он крепко держится, как за золотую нить, за свою волю к Просветлению.

Идеал бодхисаттвы – самая суть махаянской формы буддизма, и его также вполне можно назвать прекраснейшим цветком буддийской духовности. Он имеет не только

индивидуальное, личное значение, но космическое значение в истинном смысле этого слова, подвергнувшись стольким злоупотреблениям. «Космическое» на самом деле означает вселенское, относящееся к космосу или Вселенной в целом, не ограниченное каким-либо одним периодом истории, не ограниченное даже этой землей. И мы обнаруживаем, что идеал бодхисаттвы, согласно сутрам Махаяны, не ограничен ни временем, ни пространством.

Подобно этому, когда бодхисаттва посвящает себя достижению Просветления на благо всех чувствующих существ, это выражение следует понимать вполне буквально. Под «всеми чувствующими существами» – эти слова пропитывают всю традицию Махаяны, откликаясь, подобно огромному хору, во всех сутрах Махаяны – имеются в виду не только существа, живущие на этой земле, на этом конкретном плане обусловленного существования, но существа всех возможных миров, всех планов, всех уделов.

Мы обнаруживаем указания на это в практике медитации, называемой развитием универсальной любящей доброты, метта-бхаване – которую, между прочим, часто практикуют для того, чтобы способствовать возникновению воли к Просветлению. Как мы увидели в главе о медитации, мы начинаем эту практику с развития любви к себе, затем к близкому и дорогому другу, затем к нейтральному человеку и врагу. Затем, на завершающей стадии практики, наша метта распространяется все увеличивающимися кругами. Прежде всего вы направляете метту ко всем людям в комнате, в которой вы медитируете (если вы медитируете с другими людьми), затем ко всем людям в окрестности, в городе, стране, на всех континентах один за другим, затем ко всем существам на земле, всем человеческим существам, животным и так далее, и затем, наконец, ко всем живым существам во всех направлениях пространства. Таким образом, мы развиваем метту не только по отношению к существам на этой земле, но и к существам, населяющим другие планеты, другие миры, даже другие галактические системы. Вот как далеко и широко, во вселенских масштабах, она распространяется.

Выражение «все чувствующие существа», которое так часто появляется не только в контексте идеала Бодхисаттвы, но и в целом в Махаяне, равно как и в контексте практики любящей доброты, предполагает три взаимосвязанные вещи. Прежде всего, оно ясно указывает, что согласно буддизму существует не только один мир, но множество, даже бесконечное количество миров. Во-вторых, оно допускает возможность того, что, по крайней мере, некоторые из этих миров населены другими разумными существами. И, в-третьих, оно подразумевает, что эти миры и эти другие разумные существа вовсе не оказываются за пределами буддизма, пути к Просветлению, будь это в теории или на практике.

Несколько лет назад между некоторыми католическими теологами Германии возник спор – обычно католические теологи Германии находятся в авангарде католической теологической мысли. Вопрос, который у них возник, был таков. Предположим, что в результате открытий современной науки мы обнаружим, что другие миры обитаемы. Предположим, что мы нашли разумных существ на Марсе, Венере или даже Луне. Будет ли христианская схема искупления применима к ним? Умер ли Христос за них? Или он умер только за живущих на этой земле? Этот вопрос много обсуждался и, как следовало предположить, мнения разделились. Некоторые считали, что Христос принес спасение только существам на этой земле, а другие полагали, что он принес искупление всем живым существам – используя буддийское выражение, всем без исключения.

Но что касается буддизма, вопрос пределов для него давно решен – на самом деле, с самого начала. Буддизм можно описать как вселенское учение в самом полном из возможных смыслов, учение, применимое ко всем разумным существам любого времени, будь это

сейчас, десять миллионов лет назад или десять миллионов лет спустя, в любой части Вселенной, будь это в этой галактической системе или в любой другой. Он, как говорится в «Тиратана Вандане», «акалико» – подходит для любого места и времени.

Лотосовая Сутра

Это ясно доказывают некоторые сутры Махаяны, особенно «Саддхарма-пундарика-сутра», сутра «Белый лотос истинного учения», которую обычно называют просто «Лотосовой сутрой». «Лотосовая сутра» - обширнейшая из всех сутр Махаяны. Другие, возможно, более глубоки в своем учении или более изощренны, но «Лотосовая сутра» более всего внушает благоговейный трепет, впечатляет яркостью и волнующей силой. Можно даже сказать, что это, возможно, самый грандиозный из всех духовных документов человечества. В.Е. Сутхил, бывший христианским миссионером в Китае и одним из первых переводчиков этой сутры на английский язык, писал о ней:

С первой главы мы обнаруживаем, что «Лотосовая сутра» уникальна в мире религиозной литературы. Будучи потрясающе трагичной, она представляет собой духовную драму высочайшего порядка, сцена которой – Вселенная, время действия – вечность, а действующие лица драмы – боги, люди и демоны. Вечные Будды самых отдаленных миров и прошлых эонов заполняют сцену, чтобы услышать, как могущественный Будда провозглашает свою древнюю и вечную истину. Бодхисаттвы стекаются к его ногам, боги спускаются с небес, люди собираются со всех четырех сторон земли, существа, испытывающие мучения, поднимаются из глубочайших адов, и даже демоны устремляются в толчею, чтобы услышать голос Блистательного¹⁴⁴.

Место действия этой сутры – Пик Коршуна, огромный каменистый утес над Раджагрихой в современной Индии. Вы можете отправиться туда и в наши дни; я сам однажды стоял там вечером, оглядывая с высоты долину, и это, несомненно, все еще очень спокойное, уединенное и чистое место. Это место, где исторический Будда произнес много проповедей для своих близких учеников. Но в «Лотосовой сутре» это не просто земная гора, не просто каменистый утес. Это символ самой вершины обусловленного существования. В начале сутры мы видим Будду, окруженного двенадцатью тысячами архатов – то есть двенадцатью тысячами «святых», которые, согласно традиционному определению, достигли нирваны только ради собственного блага, а также восьмьюдесятью тысячами бодхисаттв, десятками тысяч богов и других нечеловеческих существ со своей свитой. И по этому поводу, сидя на вершине Пика Коршуна, окруженный этим великим собранием, Будда Шакьямуни дает проповедь, в завершение которой, как это часто бывает в сутрах Махаяны, говорится, что дождь из цветов спускается с небес и вся Вселенная сотрясается. Затем Будда закрывает глаза, улыбка почти исчезает с его лица, и долгое-долгое время он пребывает погруженным в медитацию. И, когда он находится в этом состоянии глубокой медитации, луч белого света исходит из места между его бровями и освещает всю Вселенную, проявляясь в бесконечном пространстве бесчисленных мировых систем во всех направлениях. И в каждой из этих мировых систем, где проявляется этот белый свет, мы видим Будду, преподающего Дхарму своим ученикам, и Бодхисаттву, жертвующего жизнью и членами на благо Высшего Просветления.

Когда свершается это великое чудо, проявляется это пророческое видение, Будда открывает великому собранию высшее, более эзотерическое учение, чем любое из когда-либо данных. Некоторые из его учеников способны принять эти учение немедленно, но другие нет. На самом деле, они так резко реагируют против него, что просто уходят – это очень важный эпизод. Но другим, тем, которые способны получить учение, Будда дает пророчество,

пророчество определенного вида, типичного для сутр Махаяны.

Такие пророчества обычно следуют за обетом, произнесенным бодхисаттвой, будь это в форме Четырех великих обетов или в любой другой форме, в присутствии живого Будды. Будда, в чьем присутствии бодхисаттва дает обет, затем говорит этому Бодхисаттве, каким будет его имя, когда он тоже станет Буддой, как будет называться его Поле Будды и его эон или кальпа. В данном случае, например, Шарипутра (который, конечно, на самом деле скорее архат, а не бодхисаттва) узнает, что он станет Буддой, известным как Лotosовое Сияние, его Поле Будды будет называться Чистым, а его эон будет называться Украшенным Великою Драгоценностью.

Но впереди ждут еще большие откровения. В конце первой трети сутры происходит самая впечатляющая и волнующая сцена во всем действе. Внезапно появляется огромная ступа (ступа – своего рода реликварий, в котором хранятся останки Будды), вырастающая из земли и поднимающаяся к небесам, подобно огромной горе. Говорится, что она сделана из семи драгоценных вещей: золота, серебра, ляпис-лазури, хрусталя и так далее. Более того, она великолепно украшена, от нее исходит свет, благоухание и музыка, заполняя всю землю. Когда ученики все еще пребывают в удивлении перед этим невероятным зрелищем, из ступы раздается мощный голос, восхваляющий Будду за проповедь «Лotosовой сутры» и свидетельствующий об истинности того, что он сказал.

Можно представить себе, насколько были поражены и даже испуганы ученики, даже столь продвинутые, когда все это происходило. Но, справившись со своим удивлением, один из них обрел присутствие духа и спросил, что все это обозначает, и Будда Шакьямуни объясняет, что ступа содержит нетленное тело древнего Будды по имени Изобильные Сокровища. Далее он говорит, что Будда Изобильные Сокровища жил миллионы лет назад и дал великий обет, что после своей *паринирваны* он будет проявляться в любом месте и времени, где будет преподаваться «Лotosовая сутра», и свидетельствовать об истинности этих учений.

Учеников очень заинтересовывают эти слова, и они, естественно, хотят увидеть Будду Изобильные Сокровища. Но оказывается, что Изобильные Сокровища дал еще один обет, заключающийся в том, что, если Будда, в чьем присутствии появляется ступа, желает показать Изобильные Сокровища своим ученикам, сначала необходимо выполнить определенное условие: Будда, который хочет открыть ступу, должен сделать так, чтобы все те Будды, которые произошли от него и проповедуют Дхарму по всей Вселенной, вернулись и собрались в одном месте.

Это условие Будда Шакьямуни, «наш» Будда, выполняет. Он испускает из лба еще один луч света, который излучается в бесчисленные чистые Поля Будд в десяти направлениях пространства, обнаруживая всех Будд, которые там есть. И все эти Будды во всех направлениях пространства осознают важность этого послания. Они все говорят своим бодхисаттвам, что теперь они должны отправиться в мир Саха («*саха*» означает «лишение» или «страдание»), и наш мир назван так, потому что среди всех миров, согласно сутрам Махаяны, он особенно неприятен, и родиться в нем – совсем не благоприятно).

Тогда, как говорится, наш мир очищается для того, чтобы принять этих Бодхисаттв. Земля преобразуется в чистое синее сияние, подобное ляпис-лазури, аккуратно размеченное на квадраты прекрасными золотыми шнурами, и украшенное не просто обычными деревьями, а деревьями, полностью сделанными из драгоценностей, яркими и сияющими. Говорится, что боги и люди, помимо тех, что пребывают в собрании, переносятся в любое

место, куда ни пожелают. Деревни, города, горы, реки и леса просто исчезают, и землю окутывают благовония, и она изобилует небесными цветами.

Когда заканчивается этот процесс очищения, пять сотен Будд прибывают из этих отдаленных миров или Полей Будд в сопровождении великих Бодхисаттв и занимают места на великолепных львиных тронах под драгоценными деревьями. Но, разместившись, эти пять сотен занимают все доступное пространство, а Будды лишь начинают прибывать. Что сделает Будда Шакьямуни?

Говорится, что тогда он очищает и преобразует бесчисленные миллионы миров в восьми направлениях пространства, чтобы вместить всех прибывающих Будд. И когда все это сделано и все собрались, Шакьямуни поднимается в небо на высоту врат ступы и отодвигает засов со звуком, подобным десяти тысячам ударов грома. Врата открываются, и внутри видно нетленное тело древнего Будды Изобильные Сокровища. Шакьямуни садится позади Изобильных Сокровищ, и все собрание осыпает цветами двух Будд.

Итак, эта великая сутра, в которой сидят на тронах Будда Изобильные Сокровища и Будда Шакьямуни, возвышается к небесам. Но собрание все еще находится на земле, и говорится, что все они желают подняться на уровень этих двух Будд. Проявляя свои сверхъестественные силы, Будда Шакьямуни поднимает все собрание в небо, одновременно громким голосом задавая им очень важный вопрос.

Боюсь, что здесь нам придется их оставить. Я уже рассказал об этой истории больше, чем в действительности требовалось для нашей текущей цели. Но, возможно, было сказано достаточно, чтобы ясно показать, что в буддийском видении деяния бодхисаттв, подобно деяниям будд, не ограничиваются этим миром. Многих людей отрывки, подобные данному из «Лотосовой сутры», удивляют, когда они впервые с ними встречаются. В каком-то роде они не соответствуют их представлениям о том, каково должно быть буддийское писание. Возможно, они ожидают, что вся буддийская литература глубокомысленна, философична и концептуальна, если не сказать, аналитична и научна. Но «Лотосовая сутра» оказывается больше похожей на научную фантастику – запредельную фантастику, конечно¹⁴⁵.

Это напоминает мне о времени, когда я жил в Бомбее у своего друга-поляка. Однажды он дал мне книгу под названием «Создатель звезд» Олафа Стэплдона – сравнительно ранний, но хороший пример научной фантастики. Мой друг сказал: «Тебе это понравится. Это похоже на сутру Махаяны». И на самом деле, когда я прочитал ее, я обнаружил, что это сравнение справедливо. Конечно, есть большая разница между сутрами Махаяны и самой лучшей научной фантастикой, потому что в первых есть духовное, если не сказать, трансцендентное содержание. Но есть и ряд важных сходств. И сутры Махаяны, и научная фантастика выходят за пределы этой планеты, и то, и другое склонно показывать передвижения человечества вперед и назад во времени и пересекать пространство, так сказать, что может быть опытом, несущим мощное освобождение, даже если он достигается только в воображении.

В наши дни очень часто наблюдаются всплески интереса к неопознанным летающим объектам. Некоторые люди верят, что они прилетают с Венеры или более отдаленных частей Вселенной, и что их посылают или летают на них существа более высокого уровня, чем наш. Многие фильмы и телевизионные программы отражают всеобщий интерес к путешествиям во времени и пространстве. Но можно сказать, что все эти современные мифы имеют то же общее значение: экстраполяцию сознания за обычные границы во Вселенную во всем ее объеме.

Космическая значимость идеала Бодхисаттвы

Бодхисаттва перемещается не только из мира в мир, из одной Вселенной в другую, но и с одного плана существования на другой. Это изображается в одной особой версии тибетского Колеса жизни. На некоторых изображениях Колеса Бодхисаттва Авалокитешвара появляется в каждом из уделов: измерении богов, титанов, животных, существ ада, голодных духов и человеческом измерении. Имя «Авалокитешвара» обозначает «владыка, взирающий вниз с состраданием», «тот, кто слышит стенания мира»; он является воплощением сострадания и появляется среди существ каждого плана, в каждом уделе в Будда-форме, соответствующей их особым нуждам.

Среди богов он появляется в виде белого Будды, играющего на струнном инструменте – лютне или подобии гитары, если судить по иллюстрациям. Музыка, которую он исполняет, – это мелодия непостоянства. Жизнь богов очень длинна и полна счастья, поэтому они склонны забывать о том, что однажды она подойдет к концу, и они умрут. Им нужно напомнить о непостоянстве вещей, чтобы они начали думать о Дхарме и практиковать ее. Поэтому среди богов Авалокитешвара, Бодхисаттва Сострадания, появляется в виде белого Будды, играющего на гитаре, – нужно сказать, довольно необычный образ для Будды.

Далее, среди титанов, этих огромных воинственных существ, которые непрерывно сражаются с богами за обладание деревом, исполняющим желания, Авалокитешвара проявляется как зеленый Будда, размахивающий пылающим мечом – мечом знания. Он, так сказать, говорит асурам, титанам: «Хорошо, вы пытаетесь победить богов, вы очень воинственны. Что же, вам не нужно прекращать борьбу, но почему бы вам не попытаться завоевать подлинную победу, а подлинная победа завоевывается только с помощью знания?»¹⁴⁶ Поэтому он размахивает среди них пылающим мечом духовного знания, которое приносит духовную победу, как бы говоря всему этому многочисленному воинству, этим гигантам, даже, возможно, великим нациям современности, что победу нельзя завоевать, покоряя других. Победа обретается покорением себя – это подлинная духовная победа.

Далее, среди животных Авалокитешвара проявляется как синий Будда и показывает животным книгу. Книга, несомненно, представляет собой знание, понимание, культуру, все, что отличает человека от животного, а животного от человека, и Авалокитешвара показывает ее не только животным, но и звероподобным человеческим существам, указывая им следующий этап, следующую ступень эволюции, которая приведет их на духовный путь.

В-четвертых, Авалокитешвара проявляется среди существ, пребывающих в состояниях страдания, состояниях мучения, как Будда цвета дыма и проливает на них дождь амброзии, который освежает их и облегчает их страдания. Когда люди страдают и мучаются, нет смысла читать им проповеди. То, что вы должны сделать, единственное, что вы можете сделать, – это попытаться облегчить их страдания.

Подобно этому, когда Авалокитешвара проявляется среди голодных духов как красный Будда, он наделяет их пищей и едой, которые они на самом деле могут употребить. (Говорится, что голодные духи испытывают большие затруднения и мучения оттого, что постоянно испытывают голод, но рты у них не больше булавочной головки. Любая пища или вода, которые им удастся проглотить, превращается в острые кинжалы в их желудках.) Свами Вивекананда однажды сказал: «Грешно проповедовать религию голодающему. Дайте ему сначала еды и питья, а затем даруйте ему Дхарму».

И наконец, Авалокитешвара проявляется среди человеческих существ как желтый

Будда, несущий посох и чашу для подаяния, как подобает нищенствующему монаху. Это символизирует духовную жизнь, путь к Просветлению, которому во всей полноте могут следовать лишь человеческие существа. (Для того, чтобы продвигаться по духовному пути, существа других уделов или планов существования должны переродиться людьми.)

Авалокитешвара – не единственный архетипический Бодхисаттва, являющийся символом сострадания. Есть также, например, Бодхисаттва Кшитигарбха, один из наиболее почитаемых Бодхисаттв на Дальнем Востоке. Его имя означает «сокровищница земли», и он связан с глубинами, на самом деле, с адом. Забота Кшитигарбхи – освободить тех, что кажутся безвозвратно потерянными. Он спускается в глубины, на самое дно чувствующих существ, спускается непосредственно в глубины помешательства, отчаяния и мучения, для того, чтобы облегчить и даже преобразить эти условия. Образ Кшитигарбхи, этого великого Бодхисаттвы, который спускается в глубины ада, является символом преображающей силы влияния Будды, влияния Бодхисаттвы, которое проявляется даже в самых трудных и неблагоприятных обстоятельствах¹⁴⁷.

Таким образом, идеал бодхисаттвы, отраженный в писаниях Махаяны, не ограничен ни временем, ни пространством. Бодхисаттва преодолевает все время, все пространство, пересекает все миры, поднимаясь на величайшую высоту и нисходя в самые глубины. Идеал бодхисаттвы в большей мере, чем какой-либо другой духовный идеал, является примером потенциала Просветления человечества, и этот пример выражен столь ясно, безошибочно и великолепно, насколько это возможно. И это еще не все. Идеал бодхисаттвы – это не просто человеческий идеал, не просто идеал человеческой жизни и поведения, хотя и это в него входит. Образ бодхисаттвы – это своего рода сила, действие которой не ограничено ни миром или уровнем существования, но проявляется через пространство, во всех мирах. Можно назвать это бодхичиттой, волей к Просветлению, можно назвать это как угодно. На самом деле, это можно назвать Дхармой, потому что именно этим она и является. Но, как бы мы ее ни называли, мы можем быть уверены, что она действует вечно и направляет не только этот мир, не только человеческую расу, но все существующее к все более высоким уровням существования. Это Необусловленное, действующее среди обусловленного, это свет, сияющий в сердце темноты.